

12. Заявление Совета коллективной безопасности ОДКБ в связи с 30-летием Договора о коллективной безопасности и 20-летием Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-v-svyaz/#loaded>. – Дата доступа: 08.09.2022.

13. Комитет секретарей советов безопасности ОДКБ на заседании 17 июня в Ереване обсудил меры по нейтрализации вызовов и угроз безопасности государств – членов ОДКБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/komitet-sekretarey-sovetov-bezopasnosti-odkb-na-zasedanii-17-iyunya-v-erevane-obsudil-meru-po-neytra/#loaded. – Дата доступа: 09.09.2022.

14. Бурак, А. А. Правовые основы противодействия терроризму в США / Бурак А. А. ; науч. рук. Ивашкевич Е. Ф. // Молодость. Интеллект. Инициатива : материалы X Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов, Витебск, 22 апреля 2022 года. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – С. 282–284. – Библиогр.: с. 284 (8 назв.). URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/32702/1/282-284.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).

О СРАВНИТЕЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ КРАЖИ И ГРАБЕЖА

Бурцев З.М.,

студент 5 курса ЮИ КемГУ, г. Кемерово, Российская Федерация

Научный руководитель – Силаев С.А., ст. преподаватель

Ключевые слова. Преступления против собственности; хищение; кража; грабёж; общественная опасность.

Keywords. Property crime; theft; larceny; robbery; social dangerousness.

Актуальность темы исследования и её значимость обусловлены тем, что в большинстве стран Европы (включая Россию и Беларусь) преступления против собственности занимают наибольший удельный вес в общей структуре преступности, а потому состояние законности и правопорядка во многом определяется правильностью подходов к квалификации этих видов общественно опасных деяний и справедливостью назначаемого за них наказания. В российском и белорусском уголовном законодательстве традиционно различаются тайное (по)хищение чужого имущества – кража (ст. 158 УК РФ, ст. 205 УК Беларуси) и открытое (по)хищение – грабёж (ст. 161 УК РФ, ст. 206 УК Беларуси). При этом законодатели наших стран исходят из того, что общественная опасность грабежа выше, нежели общественная опасность кражи, что подтверждается соотношением санкций вышеназванных статей особенной части уголовных законов. Однако, вопреки позиции законодателя и «генеральной линии» уголовно-правовой доктрины, на практике грабёж далеко не всегда обладает «повышенной общественной опасностью», причём в России эта проблема усугубляется тем, что статьи 158 и 161 УК РФ (в отличие от статей 205 и 206 УК Беларуси) содержат несовпадающий набор квалифицирующих признаков данных составов преступлений.

Цель исследования состоит в обосновании теоретической и практической несостоятельности идеи о повышенной общественной опасности открытого хищения чужого имущества.

Материал и методы. Материалом исследования послужили действующее уголовное законодательство России и Беларуси и правоприменительная практика, а также положения уголовно-правовой доктрины о преступлениях против собственности. Методологическую основу работы составил всеобщий диалектический метод познания и основанный на нём метод юридической догматики.

Результаты и их обсуждение. Охрана собственности является одной из приоритетных задач государства, что закреплено, среди прочего, в ч. 1 ст. 2 УК РФ и ст. 2 УК Беларуси. Преступные посягательства на имущественные отношения подрывают гарантированные национальным правопорядком правомочия собственников (будь то граждане, юридические лица или государственно-публичные образования), влекут неблагоприятные социально-экономические последствия для потерпевших.

«Общественная опасность преступлений против собственности, – отмечает С.А. Елисеев, – определяется тем, что они нарушают отношения принадлежности вещи собственнику. В результате их совершения собственник утрачивает обладание своей ве-

щью и тем самым терпит материальный (имущественный) ущерб, поскольку лишается возможности реально извлекать из неё те или иные полезные свойства» [1, с. 7]. Очевидно, что этот ущерб никоим образом не зависит от того, изымался ли предмет посягательства в присутствии потерпевшего или третьих лиц либо же в их отсутствие, осознавали ли они противоправность действий похитителя в момент их совершения или же обнаружили лишь последствия содеянного после того, как виновный полностью реализовал свои преступные намерения. Однако законодатель дифференцирует ответственность за хищение в зависимости от способа его совершения, устанавливая более строгое наказание за грабёж. Так, согласно ч. 1 ст. 158 УК РФ «простая» (неквалифицированная) кража наказывается максимум двумя годами лишения свободы, тогда как предусмотренное в ч. 1 ст. 161 УК РФ максимальное наказание за «простой» (неквалифицированный) грабёж вдвое строже – четыре года лишения свободы. В белорусском уголовном законодательстве разница меньше, но также прослеживается – три и четыре года лишения свободы соответственно. В своих особо квалифицированных формах (ч. 4 ст. 158 УК РФ) кража наказывается лишением свободы на срок (от двух месяцев) до десяти лет, а за особо квалифицированный грабёж (ч. 3 ст. 161 УК РФ) предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от шести до двенадцати лет с теми же самыми дополнительными наказаниями в виде штрафа до 1 миллиона рублей и ограничения свободы на срок до двух лет. Белорусский законодатель предусматривает за особо квалифицированную кражу наказание в виде лишения свободы на срок от трёх до двенадцати лет со штрафом (ч. 4 ст. 205 УК Беларуси), а за особо квалифицированный грабёж – от пяти до тринадцати лет со штрафом (ч. 4 ст. 206 УК Беларуси).

Такой подход довольно глубоко укоренился в наших правовых системах в силу исторической традиции, привнесённой, однако, извне и давно уже критикуемой целым рядом отечественных теоретиков. Так, например, В.Д. Набоков в своей статье «Упразднение грабежа», написанной 120 лет назад, отмечал: «Составителям Уложения 1845 года, несомненно, мерещились не русские, а старонемецкие представления о *Diebstahl* как о тайном похищении в противоположность понятию *Raub*, означавшему похищение открытое, представления, сделавшиеся на Западе анахронизмом ещё со времени Уложения Карла V. Под влиянием этих несоответствующих образцов они и создали своё совершенно искусственное, двусмысленное, схоластическое понятие «грабежа», дав старому русскому слову значение, которого оно ни в житейском быту, ни на юридическом языке вовсе не имело» [2, с. 197]. Аналогичную точку зрения уже в наше время высказывает Р.Е. Токарчук, полагающий, что «понятия «кража» и «грабёж» настолько устарели, являются архаикой такого далёкого времени, что не каждый исследователь уголовного права сможет Вам точно объяснить, когда и зачем они возникли, были ли социальные основания для деления хищения на тайное и открытое и в чём они заключались» [3, с. 32].

В обоснование тезиса о повышенной общественной опасности грабежа обычно приводятся соображения о большей дерзости грабителя по сравнению с вором, об отсутствии у него страха быть разоблачённым и готовности прибегнуть к насилию в отношении потерпевшего ради завладения имуществом. Однако едва ли подобная аргументация может быть признана убедительной, поскольку использование не открытого, а тайного способа хищения зачастую свидетельствует о наличии у похитителя особых преступных навыков (элементов криминального профессионализма), позволяющих ему совершать изъятие чужого имущества даже в присутствии владельца незаметно для него; кроме того, хорошо известно, что в разбой может перерасти не только грабёж, но и кража, а потому признавать готовность грабителя к насилию и отрицать наличие таковой у вора безосновательно. Не стоит также забывать и о том, что в случае грабежа потерпевший сразу осознаёт нарушение своих имущественных прав, что позволяет ему иногда предпринять более эффективные меры самозащиты, чем в случае совершения кражи. Да и с точки зрения правоохранительных органов грабёж, совершённый в условиях очевидности, может оказаться более простым в плане его раскрытия и расследования, нежели кража. Наконец, в современных условиях, когда широко распространены системы видеонаблюдения, присутствующие буквально повсюду, граница между тайным и открытым хищением чу-

жого имущества становится всё более подвижной (если не сказать – зыбкой), в связи с чем вопрос о содержании умысла похитителя в части способа совершаемого им преступления становится всё более проблематичным.

Ситуация усугубляется ещё и тем, что российский законодатель весьма непоследовательно проводит идею о повышенной общественной опасности грабежа по сравнению с кражей. Так, в ч. 2 ст. 158 УК РФ в качестве квалифицирующих признаков кражи закреплены причинение потерпевшему-гражданину значительного ущерба и совершение её из одежды, сумки или иной ручной клади, находившихся при потерпевшем, а в ч. 3 ст. 158 УК РФ квалифицирующее значение придаётся безналичным денежным средствам, выступающим в качестве предмета посягательства. При наличии данных отягчающих обстоятельств предусмотренное в законе наказание повышается с двух лет лишения свободы до пяти и шести лет соответственно. Однако норма о грабеже (ст. 161 УК РФ) не предусматривает таких квалифицирующих признаков, в связи с чем грабёж, совершённый при наличии таких обстоятельств, считается «простым» (неквалифицированным) и влечёт наказание в виде лишения свободы на срок до четырёх лет. И если открытое хищение безналичных денежных средств довольно трудно себе представить, то значительность ущерба и «карманный» характер такого хищения вполне реальны. Ситуация оказывается наиболее неприемлемой, когда, скажем, вор-карманник, будучи обнаружен при попытке изъять чужое имущество, продолжает действия, направленные на противоправное безвозмездное завладение им. Как мы знаем, в подобных случаях речь идёт о перерастании кражи в грабёж; но в смоделированной нами ситуации парадоксальным образом выходит, что более тяжкое преступление (квалифицированная кража) «перерастает» (а точнее – регрессирует) в менее тяжкое («простой» грабёж).

На основании п. 2 примечаний к ст. 158 УК РФ при посягательстве на чужие абсолютные (вещные) права в форме тайного хищения материальный ущерб, превышающий пять тысяч российских рублей, с учётом имущественного положения потерпевшего может быть признан значительным и в этом качестве выступать в роли квалифицирующего признака. Напротив, причинение такого же ущерба вследствие открытого хищения чужого имущества не будет признаваться отягчающим обстоятельством, влияющим на квалификацию, и, таким образом, грабёж окажется преступлением, представляющим меньшую общественную опасность, нежели аналогичная кража. Между тем, для определения общественной опасности в тайном и открытом преступном посягательстве на собственность в первую очередь следует учитывать не способ совершённого изъятия имущества, а стоящие в причинной связи с этим способом последствия.

Заключение. С учётом вышеизложенного можно сделать вывод, что навязанная в рамках позитивного права идея о повышенной общественной опасности грабежа в сравнении с кражей не всегда соответствует действительности. Рассмотренные в работе гипотетические случаи указывают на проблемы дифференциации уголовной ответственности за хищения, когда нарушается сама её логика, провозглашённая в законе, и, как следствие, подрывается процесс восстановления социальной справедливости. Выход из создавшегося положения видится нам в объединении двух ныне существующих уголовно-правовых запретов в один, т.е. в криминализации тайного и открытого хищения чужого имущества в рамках одного состава преступления.

1. Елисеев, С.А. Преступления против собственности: курс лекций / С.А. Елисеев. – Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2018. – 194 с.

2. Набоков, В.Д. Избранное / В.Д. Набоков; вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2015. – 318 с.

3. Токарчук, Р.Е. Чем грабёж опаснее кражи? / Р.Е. Токарчук // Научный портал МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 29–33.